

Вечером старик Чжэн вернулся домой. За ужином госпожа Чжэн в мельчайших подробностях пересказала ему всё, что произошло днем, когда заходил Кун Лин. Старик ничего не ответил, лишь молча уплетал еду — за день он порядком вымотался и проголодался. Умяв три миски риса и большую порцию супа, он с чувством глубокого удовлетворения отодвинул посуду, перебрался на стоявший неподалеку стул, стянул обувь с носками и с облегчением откинулся на спинку.

Видя такое дело, Тан Цинфэн и госпожа Чжэн поспешили закончить свою трапезу. Когда Цинфэн помогал убирать со стола, старик Чжэн произнес:

— Цинфэн, сходи к нашему старосте. Посмотри, поужинал ли он, и если закончил — пригласи его сюда. А если еще ест, подожди немного.

Цинфэн ответил согласием и отправился в путь.

Когда староста пришел, ему еще раз в деталях изложили суть дела. Старик погладил свою седую бороду, прошелся взад-вперед по комнате и наконец вынес вердикт:

— Ехать! Нужно ехать в столицу. Если повезет, может, и жену найдет, и денег заребодает. А если даже ничего не выйдет, так хоть мир повидает — это куда лучше, чем всю жизнь прозябать в этой глуши.

— Теперь, когда родителей маленького Цинфэна не стало, мы для него самые близкие люди, — добавил староста твердым, не терпящим возражений тоном. — Завтра с утра начните собираться. Такой шанс выпадает нечасто, упускать его нельзя.

С того самого момента, как госпожа Чжэн узнала новость, слезы не переставали течь из её глаз. Мальчик вырос у неё на глазах, и отпустить его в такую даль было выше её сил, но перечить решению главы семьи она не могла. Всю ночь она ворочалась с боку на бок, так и не сомкнув глаз. Старик Чжэн тоже не спал — на душе у него было тяжело, и расставание давалось нелегко.

На следующее утро начались хлопоты. Госпожа Чжэн принялась за сборы. Сейчас стояла осень, а к прибытию в столицу наверняка уже ударят морозы. Наслышанная о тамошних холодах, она готова была упаковать для Цинфэна все свои ватные куртки. Однако, примеряя одну за другой, она оставалась недовольна: эта слишком стара, та слишком мала. Растерявшись, она села на край кровати, и слезы, словно бесплатные, хлынули из глаз. Вскоре ватная куртка, которую она держала в руках, намокла от влаги.

Рано утром за Тан Цинфэном зашел староста — они вместе направились в частную школу к учителю Куну. У ворот школы было оживленно: Хань Чжу с трудом сдерживал толпу, не давая никому войти.

Заметив это, Цинфэн провел старосту через боковую калитку. В главном зале они застали Цинь Фана и Кун Лина, которые о чем-то беседовали. Увидев гостей, те поднялись навстречу.

— Староста пришел! Прошу, присаживайтесь. Цинфэн, завари чаю, — обратился Кун Лин сначала к гостю, а затем к мальчику.

— Слушаюсь, — отозвался Цинфэн. Он ловко заварил чай и подал его гостям и учителю.

— Учитель Кун, вы действительно решили уехать? — без лишних предисловий спросил староста.

— Да. Древние говорили: пока живы родители, не уезжай далеко. Я отсутствую уже больше двух лет, пора вернуться и исполнить сыновний долг, — на лице Кун Лина отразилась тоска.

— Мы проходили мимо ворот и видели, сколько там народу. Не хотите выйти к ним? — староста лишь упомянул то, что видел.

— Я уже выходил к ним. Это родители моих учеников. Я понимаю, что мой отъезд получился слишком поспешным, но сердце так стремится домой, что хочется преодолеть весь путь одним махом. Прошу вас, староста, замолвите за меня словечко перед односельчанами, чтобы я мог уехать с легким сердцем.

Видя беспомощность Кун Лина и то, с каким нетерпением он ждет возвращения домой, староста лишь вздохнул:

— Учитель, вчера вы предложили взять маленького Цинфэна с собой в столицу. Мы обсудили это с семьей Чжэн. Предложение хорошее, но у нас есть вопросы, на которые мы хотели бы получить ответы.

— Не стесняйтесь, староста, спрашивайте о чем угодно.

— Позвольте узнать, в каком качестве Цинфэн отправится с вами?

— Он мне по душе, поэтому я и хочу его забрать. Я не дам его в обиду. Пусть сам выбирает: быть моим книжным мальчиком или стать моим учеником. Но предупреждаю: если выберет второе, придется нелегко — обучение требует строгости, иначе учитель будет виноват в лени ученика. Цинфэн, ты понимаешь? — Кун Лин посмотрел на мальчика с предельной серьезностью.

— Понимаю, учитель. Но лишь тот, кто вкусит горечь невзгод, станет выше других! Я хочу стать вашим учеником, — ответил Цинфэн и низко поклонился.

Староста не стал мешать. Хотя Кун Лин жил в деревне недолго, его манеры и отношение к людям говорили сами за себя. Староста, который за десятки лет научился видеть людей насквозь, был уверен: Кун Лин — человек, которому можно доверять.

Цинь Фан с улыбкой посмотрел на обоих:

— Сяо Лин, поздравляю с обретением достойного ученика.

— Потенциал у него есть, — радостно ответил Кун Лин, — но станет ли он хорошим учеником, покажет только время.

Так Цинфэн обрел наставника. Обсудив детали отъезда, они вернулись со старостой домой. Дорога до столицы занимала не меньше месяца, а если идти медленно — то и все два, поэтому сборов было не избежать.

Вернувшись, Цинфэн увидел, что госпожа Чжэн уже вовсю упаковывает вещи. Он молча принялся помогать. Особого имущества у него не было — хватило бы пары смен одежды. Драгоценностей тоже не водилось, единственной ценностью была купчая на старый родительский дом. Но носить с собой такую важную бумагу в дальней дороге было рискованно: вдруг потеряется или испортится?

Он протянул документ госпоже Чжэн:

— Тетушка Чжэн, я уезжаю с учителем в столицу и не знаю, когда вернусь. Пожалуйста, приберегите эту купчую у себя. Я еще мал, могу где-нибудь оставить или порвать, а так мне будет спокойнее.

Сначала госпожа Чжэн не хотела брать, но, подумав, согласилась — семилетнему ребенку действительно негоже хранить такие вещи.

— Хорошо, я сохраню. Как вернешься — сразу отдам.

— Спасибо, тетушка. И еще, если будет время, пожалуйста, приберитесь у алтаря моих родителей, чтобы пыль не скапливалась.

— Конечно, не переживай, — пообещала она. — В праздники, в поминальные дни, первого и пятнадцатого числа каждого месяца я буду приходить, зажигать благовония и смахивать пыль.

При этих словах слезы вновь покатались по её щекам.

— Не плачьте, тетушка. Моя поездка — это к лучшему. Я наберусь знаний и мастерства, а когда вернусь, заберу вас с дядей Чжэном в столицу, чтобы вы зажили в достатке. — У самого Цинфэна тоже задрожали веки, сдерживая слезы.

— Не буду, не буду. Ты же едешь учиться, это же радость, — она вытерла глаза и, вспомнив, что мальчик еще не обеспечен теплой одеждой, схватила сантиметр и принялась снимать мерки.

— Цинфэн, на чужбине слушай больше, а говори меньше. Если чего не поймешь — спрашивай учителя, когда никого не будет рядом.

— Хорошо.

— И помни: не выставляй деньги напоказ. Денег у нас немного, но беречь их надо.

— Хорошо.

— А когда учитель будет учить, слушай внимательно, не отвлекайся и не халтурь.

— Хорошо.

— ...

— Хорошо.

Так прошла вся ночь. Засыпая, Цинфэн всё еще вспоминал наставления госпожи Чжэн. Неужели это и есть тепло родного дома?

<http://bllate.org/book/21782/2252371>